

Комментарий к Определению Верховного Суда РФ от 14.09.2022 г. по делу № A72-14198/2021 (опубликован 16.10.2022 г. на Telegram-канале Виртуальный арбитражный клуб).

14.09.2022 г. Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) поставил точку в споре между японской компанией (далее – истец), пытавшейся исполнить решение единоличного арбитра, которое было вынесено в соответствии с Арбитражным регламентом Арбитражного суда Международной торговой палаты (далее – арбитр ИСС) против российской компании (далее – ответчика). Арбитражный суд Ульяновской области (далее – АСоУ) и Арбитражный суд Поволжского округа поддержали позицию заявителя, однако ВС РФ отменил судебные решения нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение в АСоУ. Ключевым основанием для отмены послужило нарушение публичного порядка РФ, а именно принципов соразмерности взыскания и справедливого разбирательства как элементов этого публичного порядка.

Прежде всего необходимо описать фактические обстоятельства и позиции спорящих сторон, чтобы понять, каким образом исполнение третейского решения, по мнению ВС РФ, может привести к нарушению публичного порядка РФ.

Спор возник из договора, заключенного между истцом, ответчиком и его материнской компанией, являющейся единственным участником в компании ответчика. При урегулировании разногласий сторонами были подписаны четыре меморандума. Однако только два из них были подписаны представителем ответчика, оставшиеся два – генеральным директором материнской компании ответчика (далее – генеральный директор). Таким образом, главная задача, стоявшая перед арбитром ИСС, заключалась в ответе на вопрос: создает ли подписание генеральным директором двух меморандумов юридически значимые обязательства у ответчика.

Арбитр ИСС пришел к выводу о том, что все обстоятельства встречи, во время которой состоялось подписание спорных меморандумов, и предыдущая практика, применяемая сторонами, указывали на тот факт, что генеральный директор обладал необходимыми полномочиями действовать от имени ответчика, и истец не знал о возможном отсутствии этих полномочий у генерального директора, в связи с чем обязательство, принятое в ходе встречи и подтвержденное подписью генерального директора на спорных меморандумах создает юридическое обязательство и для ответчика. В качестве правового обоснования этого вывода арбитр ИСС сослался на японское право как право, применимое к договору.

Возражая против исполнения третейского решения, ответчик указывал на порок субъекта, выраженный в том, что арбитр ИСС не установил действительную волю ответчика при подписании спорных меморандумов и отсутствие доказательств, подтверждающих наделение генерального директора полномочиями действовать от имени ответчика.

Как следует из решения ВС РФ, одним из оснований для передачи дела на новое рассмотрение послужили наличие спора сторон о волеизъявлении ответчика и отсутствие оригиналов. По мнению ВС РФ, неопределенность в этих вопросах означает изъятие частной собственности ответчика без подтверждения факта встречного предоставления со стороны истца, т.е. без правовых оснований, что свидетельствует о нарушении упомянутых выше принципов, являющихся элементами публичного порядка.

Комментарий Автора

Отменяя судебные решения нижестоящих инстанций и направляя дело на новое рассмотрение, ВС РФ фактически вмешался в рассмотрение спора по существу, что обычно является прерогативой третейского суда. Случаи, связанные с оспариванием полномочий представителя, который действует от имени юридического лица, не являются редкостью в гражданском обороте. В российском праве предусмотрена даже специальная норма, регулирующая ситуацию, когда в специальных документах (договоре, положении о филиале или представительстве, учредительных документах) содержатся ограничения полномочий представителя, которые не определены в доверенности, законе или не считаются очевидными из обстановки при заключении сделки (п. 1 ст. 174 ГК РФ). В этом случае у представляемого юридического лица сохраняется право признать сделку недействительной, если будет доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об этих ограничениях.

Ситуация, возникшая при подписании спорных меморандумов, кардинальным образом отличается от модели, описанной в п. 1 ст. 174 ГК РФ. Представитель ответчика отказался подписывать эти меморандумы, а генеральный директор не представил документы, свидетельствующие о его полномочиях действовать от имени ответчика. Безусловно, у истца могло возникнуть впечатление, что окончательное решение принимается материнской компанией, однако это не освобождает стороны от соблюдения формальностей при подписании спорных меморандумов. Тем не менее арбитр ИСС посчитал, что полномочия генерального директора не должны были вызвать сомнений у истца, и на ответчике лежало бремя развеять эти сомнения.

Не стоит забывать, что арбитр ИСС сослался на японское право как применимое право в данном споре, которое возможно построено на такой интерпретации доктрины видимых полномочий и поэтому кардинальным образом отличается от подходов, используемых в российском праве для установления полномочий представителя юридического лица. В любом случае различие в презумпциях, предусмотренных в применимом праве и праве суда, не может привести к нарушению публичного порядка страны суда.